

УДК 94(571.54)
DOI 10.18101/2306-753X-2015-4-41-47

© П. К. Варнавский

Бурятская этничность в политических проектах XX века: из империи в империю?¹

Одним из самых значительных явлений политического развития в XX столетии стала актуализация этнонациональной проблематики. В рассматриваемый период бурятская интеллектуальная и властная элиты концептуализировали четыре модели социокультурного и политического развития бурятского этноса, в контексте которых по-разному осуществлялась самопрезентация бурят в социально-политическом пространстве империи. Актуализация той или иной модели обуславливалась, в определенной мере, культурно-политическими предпочтениями самих конструкторов и, в большей степени, общим социальным контекстом и политической конъюнктурой. Содержание этнополитического проектирования на протяжении всего XX века определялось дискурсивными практиками националистов и/или коммунистов и в этом смысле этничность можно понимать, как *результат* социально-политического взаимодействия. Можно утверждать, что представители националистически настроенной интеллигенции были классическими представителями *этнического национализма*, а коммунисты объективно стали выступать в качестве представителей *гражданского национализма*, сверхзадачей которых стало создание новой «многонациональной» нации – советского народа.

Ключевые слова: буряты, нациестроительство, национальное движение, этничность, нация.

© V. Varnavsky

Buryat Ethnicity in the political projects of the XX century: Empire of the Empire?

One of the most significant events of political development in the XX century was the actualization of ethno-national viewpoint. In the period under review Buryat elites conceptualized four models of socio-cultural and political development of the Buryat ethnos, in the context of which differently carried out self-presentation is drilled in the socio-political space empire. Actualization of a model determines, to some extent, cultural and political preferences of designers and, to a greater extent, the general social context and political situation. The content of ethno-political design throughout the twentieth century determined discursive practices of nationalists and/or Communists, and in this sense, ethnicity is understood as the result of social and political interaction. It can be argued that the representatives of the nationalist-minded intellectuals were classical representatives of ethnic nationalism and objectively Communists began to act as representatives of civic nationalism, which is the most important task was the creation of a new “multicultural” nation - the Soviet people.

Keywords: the Buryats, nation-building, national movement, ethnicity, nation.

¹ Статья подготовлена при поддержке Проекта № 0338-2015-0001 «Бурятская этничность в политических проектах: от Российской империи до современной России» в рамках Комплексной программы СО РАН № П.2 «Интеграция и развитие».

Одним из самых значительных явлений социокультурного и политического развития в XX столетии без сомнения стала актуализация этнонациональной проблематики. Развитые техногенные культуры втягивали в ареал своих геостратегических интересов и практик территории, на которых сохранялись традиционные общества, и агрессивно навязывали им собственные политические, экономические, а затем культурные и ментальные модели. Это, естественно, вызывало у последних стремление защитить и сохранить привычный уклад жизни, а их этничность превращалась в главный объект защиты, на который направлены все угрозы, порождаемые вторжением западной цивилизации в жизнь традиционных обществ. С другой стороны, в доктринально-идеологическом арсенале традиционного общества не было иных, кроме этничности, концептов, которые могли бы мобилизовать и сплотить членов той или иной этнической группы для борьбы за защиту своих интересов. Поэтому этничность превращалась еще и в *инструмент* борьбы за статус, власть, ресурсы. Она проявляла себя в качестве эффективной стратегии тех групп населения, которые, апеллируя к этнокультурной специфике, стремились добиться повышения своего политического и/или экономического статуса [см., например, Рыбаков, 2001, с. 113; Этнос..., 2000, с. 8]. Именно поэтому этничность проявлялась, чаще всего и отчетливее всего, в виде этнического национализма и постоянно становилась основным стержнем национальных движений XX века: одновременно она являлась *целью* и *средством* этих движений.

События и процессы, имевшие место в бурятском обществе в XX веке, недвусмысленно показали, что в рамках общественно-политического дискурса бурятская элита открыто и целенаправленно использовала этничность. Под воздействием модернизации *этническое* стало постепенно вырываться из «примордиалистского плена» традиции и превращалось в постоянный объект социальных практик, в контексте которых, во-первых, проходило активное конструирование этнокультурных и/или этнополитических конфигураций, и, во-вторых, осуществлялось инструменталистское использование этничности. В рассматриваемый период бурятская интеллектуальная и властная элиты концептуализировали четыре модели социокультурного и политического развития бурятского этноса, в контексте которых по-разному осуществлялась самопрезентация бурят в социально-политическом пространстве империи. Актуализация той или иной модели обуславливалась, в определенной мере, культурно-политическими предпочтениями самих конструкторов и, в большей степени, общим социальным контекстом и политической конъюнктурой. Дрейф этнополитической идентичности реализовывался по следующей схеме.

Бурятская автономия в составе России (1905-1922). В период первой русской революции и особенно после революции 1917 года бурятские лидеры

активизируют свою деятельность в направлении повышения политического статуса автономии и стремятся к достижению территориально целостного этнически гомогенного образования. В условиях крайней политизации общественной жизни для бурят особо актуальной становится идея политического самоопределения, происходит политизация этничности. Лидеры национального движения одной из главных своих задач считали реализацию идеи этногосударства, иными словами, они последовательно стремились к соединению бурятской этничности и государственности. Можно с полной уверенностью говорить, что на данном этапе бурятская этничность отчетливо проявлялась «как политическая организация со специально разработанной политической стратегией, с вполне прагматической целью расширить доступ для носителей своей этничности к естественным ресурсам, источникам материальных, социальных и духовных благ, контролируемых неэтническими, например, государственными структурами. Предельные цели мобилизованной этничности или, говоря другими словами, ее горизонты простираются до создания моноэтнического государства...» [Губогло, 1998, с. 21-22].

Буряты как интегральная часть монгольской нации, которой, в соответствии с концепцией национального самоопределения, требуется свое «Панмонгольское» государство (1919-1937). На примере панмонголизма хорошо видно, что этничность представляет собой очень текучую и пластичную субстанцию. Она легко поддается конструированию, в результате чего этнические активисты, да и вообще политические акторы, участвующие в националистическом дискурсе, добиваются дифференциации и/или интеграции отдельных частей социального пространства. Именно они «создают этничность, т.е. этнические общности, из имеющегося в доступности культурного и социального материала... и превращают культурные различия в основу для политической дифференциации между народами» [Тишков, 1997, с. 71]. Таким образом, примордиальные конструкты, направленные на создание социально-политических коалиций, состав которых определяется конъюнктурой данного момента, могут использоваться и используются для достижения политических целей. Необходимо отметить, что в период полного господства и тотального контроля коммунистов «панмонголизм» превратился в удобный и эффективный инструмент политической практики, с помощью которого от культурных и политических процессов отстранялись соперники и неудобные участники. Сами же эти процессы получали развитие в выгодном для Компартии направлении унификации социокультурного и политического пространства, контролировавшегося советским государством. Спонсируя в определенной степени этнический национализм коммунисты одновременно создавали непреодолимые препятствия для его развития и распространения, уничтожая излишнюю и опасную с их точки зрения инициативу в этнокультурной сфере. Боязнь попасть в область «негативной» этничности ограничи-

вала возможность проявления «национального», в результате чего собственно этноидентификационный дискурс «замораживался», а в общественном сознании расчищалось место для актуализации идеи «советской» политико-государственной общности. Фактически, в рамках борьбы с негативной этничностью подготавливалась почва для активного нациестроительства уже в масштабах всего Советского Союза.

Буряты как самостоятельная часть советского политико-идеологического пространства, в контексте которого они выступают в качестве «социалистической нации» (1922-1960-е гг.). Советская общность понималась как содружество самоопределившихся наций, народов-партнеров и тогда приходилось смиряться с наличием локального этнонационального самосознания и даже в определенной степени актуализировать его. Ведь в этом случае официальный идеологический дискурс невольно формировал в сознании населения представление о том, что Советский Союз являлся сообществом не столько граждан, сколько советских наций и народностей, а советская идентичность представляла собой сумму коллективных идентичностей всех этнонаций, образующих СССР. При этом этничность использовалась коммунистами предельно инструментально: конструируя советские этнонации, они попутно встраивали их в жесткую систему советского политико-идеологического пространства. Советская государственная система очень тесно интегрировала в себя этнический фактор: «Национальность оказалась огосударствленной, бюрократизированной, превратилась в один из элементов тоталитаризма», а партийно-государственный аппарат «занимался... строительством интегрированных в политическую систему национальных образований...» [Чешко, 2000, с. 206-207]. Этничность превратилась из рычага мобилизации населения под флагом национализма в надежный инструмент коммунистического управления национальной периферией. Такой подход к национализму давал иллюзию решенности национального вопроса в СССР и в определенном достаточно узком поле позволял удовлетворять этнокультурные потребности меньшинств.

Буряты как интегральная часть общности «советский народ» (1940-е – 1980-е гг.). Границы этой общности конституировались посредством классовой, а не этнической принадлежности, и, соответственно, сама она преподносилась как согражданство трудящихся, не разделяемых по этническому признаку и объединенных своей социально-классовой близостью и идеологией. Данный концепт более всего подходил для актуализации общесоветской идентичности на индивидуальном уровне, поскольку, минуя этнокультурный уровень, он должен был вызвать чувство солидарности у каждого жителя СССР, апеллируя к его классовому самосознанию. С этой точки зрения становится понятным, почему в советском идеологическом дискурсе понятия «этнос», «народ», «национальность», «нация» совпадали по своей

смысловой нагрузке с такими понятиями, как «эксплуатируемый класс» или «трудящиеся массы». Советская власть помещала в один семантический ряд категории этничности и класса, преследуя цель растворить этническую идентичность в социально-классовой. При этом создание советской идентичности шло за счет ее насыщения идеологическими символами и смыслами, что также позволяло конструкторам советской общности избавить население от привязанности к идеям этнонационализма.

Итак, интеллектуальная элита, сформировавшаяся в дореволюционный период и возглавлявшая национальное движение в 1905-1921 годах, концептуализировала за это время две модели этнополитического самоопределения бурят, в контексте которых по-разному интерпретировалась бурятская идентичность. При этом культурные маркеры, с помощью которых определялись границы конструируемых общностей, были отобраны еще в начале XX века и сохранялись на протяжении всего указанного периода.

Во-первых, в это время разрабатывалась концепция бурятской национальной автономии. Ее идея была вербализована еще в 1905-1906 годах во время национальных съездов и получила свое развитие после революционных событий 1917 года. Во-вторых, была разработана концепция всемонгольского единства, которая актуализировалась лишь в определенные - критические, - моменты национального движения и получила известность под названием *панмонголизма*. В обоих случаях особая значимость придавалась национальному языку, традиционной культуре и буддизму, которые использовались в идентификационном дискурсе для того, чтобы, в первом случае, отграничить бурятскую общность от других, и, во втором случае, интегрировать ее же в состав более широкой монгольской этнокультурной общности.

Коммунисты моделировали этничность так, чтобы акцентировать внимание не столько на этнокультурной специфике бурят, сколько на возможности интегрироваться в общесоветское социополитическое пространство, а идентификационная практика, конструируемая ими, была направлена, в первую очередь, на то, чтобы актуализировать значимость социально-классовой лояльности. Таким образом, политическая практика большевиков неизбежно приводила к постепенной деактуализации тех парадигм национально-культурного движения бурят, в контексте которых продолжительное время конструировалась бурятская этничность, и, напротив, была направлена на усиление значимости иного уровня идентичности, в структуре которого лояльность к своей этнической группе играла все меньшую роль. Привлекая национализм в свою социалистическую программу, коммунисты рассматривали его как тактическое средство, которое в конечном итоге позволит преодолеть господство локальных идентичностей и будет способствовать становлению единого политического самосознания в границах СССР. В этом смысле их можно обозначить как «интернационалистических националистов», действия

которых, однако, направлены, в первую очередь, на формирование единой советской общности, а отнюдь не на стимулирование отдельных национальных идентичностей.

Содержание этнополитического проектирования на протяжении всего XX века определялось дискурсивными практиками националистов и/или коммунистов и в этом смысле этничность можно понимать, как *результат* социально-политического взаимодействия. Действительно, выделенные выше модели этнополитической идентичности вполне допустимо интерпретировать в категориях *ситуативности* и *конъюнктурности*; концептуализация и актуализация той или иной модели обуславливалась, главным образом, социально-политическим контекстом, а примордиализм использовался для того, чтобы показать и доказать ее укорененность и изначальность, а, следовательно, и политическую легитимность, что отнюдь не отменяет объективности существования бурятской, монгольской или какой-либо иной этнической культуры, однако демонстрирует ее свойство *являться* инструментом социальной практики.

Вытекающим из предыдущего и достаточно очевидным представляется то, что и националисты, и коммунисты являлись *конструкторами*, в одинаковой мере использовавшими этничность в обосновании своих проектов нациостроительства. Каждый из участников националистического дискурса нагружал конструируемую этническую идентичность собственным смыслом, в зависимости от того, какие цели он преследовал. Общим моментом при этом стало то, что все политические акторы, хотели они того или нет, вынуждены были вступать в борьбу за право утвердить в обществе собственное толкование нации и тем самым становились участниками националистического дискурса. Они пытались монополизировать этот идеологический и мобилизационный ресурс, чтобы достичь тех или иных – либеральных или социалистических, тоталитарных или демократических, – целей.

Можно утверждать, что представители националистически настроенной интеллигенции были классическими представителями *этнического национализма* и в этом смысле «естественными» примордиалистами. В свою очередь, коммунисты объективно стали выступать в качестве представителей *гражданского национализма* (эта их функция обрела свою дефиницию в форме идеологемы «советский интернационализм»), а их сверхзадачей стало создание новой «многонациональной» нации – советского народа.

Литература

1. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс. 1991. – 126 с.
2. Губогло М. Н. Языки мобилизованной этничности. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 327 с.
3. Рыбаков С. Е. Философия этноса. – М.: 2001. – 223 с.
4. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997. – 355 с.
5. Чешко С.В. Распад Советского Союза. – М. ИЭА РАН, 2000. – 235 с.
6. Этнос и политика: Хрестоматия. – М. УРАО, 2000. – 398 с.

References

1. Hellner E. Natsii i natsiolizm. M. Progress. 1991. – 126 p.
2. Guboglo M.N. Yaziki mobilizovannoy etnichnosti. M. Shkola “Yaziki russkoy kultury”, 1998. – 327 p.
3. Rybakov S.E. Philosophiya etnosa. M. 2001. – 223 p.
4. Tishkov V.A. Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii. M. Russkiy mir, 1997. – 355 p.
5. Cheshko S.V. Raspad Sovetskogo Soyuz. M. IEA RAN, 2000. – 235 p.
6. Etnos i politika: khrestomatia. M. URAO, 2000. – 398p.

Варнавский Павел Кондратьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии ИМБТ СО РАН, e-mail: wpk1@mail.ru

Varnavsky Pavel – Candidate of Historical Sciences, SB RAS, e-mail: wpk1@mail.ru